

На правах рукописи

ВЛАСОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ
XII–XVI ВВ.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва
2014

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

кандидат филологических наук, доцент
Шевелева Мария Наумовна

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Гиппиус Алексей Алексеевич,
доктор филологических наук, член-корреспондент
РАН, профессор факультета филологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Мишина Екатерина Андреевна,
кандидат филологических наук, научный
сотрудник ФГБУН «Институт русского языка им.
В.В. Виноградова Российской академии наук»

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита диссертации состоится 18.03 2015 года в 14 часов 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Полный текст диссертации размещен на сайте филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»: <http://www.philol.msu.ru/~ref/>

Автореферат разослан «24» 12 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена диахроническому исследованию способов передачи чужой речи в летописном узусе XII–XVI вв. Под «чужой речью» понимается речь, воспроизведенная или пересказанная говорящим с возможным указанием на ее цель, источник и ситуацию, в которой она реализовалась¹. В работе рассмотрены основные синтаксические разновидности чужой речи в соответствии с устоявшейся в лингвистической традиции классификацией, выделяющей три основных способа передачи чужой речи: прямая речь как способ передачи чужого высказывания с сохранением всех особенностей речевой ситуации; косвенная речь как способ передачи содержания чужой речи; «промежуточные» способы, которые совмещают признаки прямой и косвенной речи для разной степени аналитической переработки чужой речи².

Синтаксические особенности, связанные с включением чужой речи в текст, давно привлекают внимание историков русского языка. Отдельные замечания о специфических конструкциях передачи чужой речи встречаются уже в работах XIX в.: Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня в рамках полемики о семантике инфинитива рассматривали употребление этой формы в придаточных предложениях, передающих содержание чужой речи, ср. пример из Повести временных лет: повѣдан людемъ тако на пать лѣтѣ Днѣпру потеци вспать а землямъ переступати на ина мѣста (1071, 64 об.)³.

Широко обсуждались семантика и структурные особенности конструкции с союзом так при прямой речи – на её регулярное употребление в древнерусских текстах одними из первых обратили внимание Е.С. Истрина и Е.Ф. Карский: и присла въ Новгородъ, яко не хоцю ꙗ васъ княжити (Новгородская I летопись, 1167, 34), то ити емꙋ ротѣ яко не вѣдалъ ксмы ‘то идти к присяге, что я не знал’ («Русская Правда») ⁴. И.И. Срезневский и Л.А. Булаховский считали, что союз так в контекстах с чужой речью имел мо-

¹ Русская грамматика. М., 1980. Т 2. С. 485.

² Грамматическое обоснование указанной классификации предложено в работе *Есперсен О.* Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958. С. 338–349.

³ *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1869. С. 148; *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1874. Т. 2–3. С. 362.

⁴ *Истрина Е.С.* Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Петроград, 1923. С. 41; *Карский Е.Ф.* Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930. С. 17.

дальное значение недостоверности⁵, Г. А. Хабургаев и М. Н. Преображенская рассматривали **яко** при прямой речи как «промежуточную» структуру, в которой грамматическое подчинение придаточного предложения по отношению к главной части ещё не было обязательным⁶.

Прямая речь с союзом **яко** привлекала внимание зарубежных исследователей, которые используют термин *jako recitativum* по аналогии с греческой конструкцией *ōti recitativum*⁷. С появлением интереса к семантике чужой речи предметом обсуждения стал вопрос о модальных значениях **яко**. Т. Дайбер предположил, что **яко** при прямой речи является общеславянской конструкцией, предшествовавшей появлению косвенной речи. По наблюдениям Р. Перельмуттер, в раннедревнерусских текстах появляются первые признаки развития у **яко** модального значения в контекстах с чужой речью. Вопрос о семантике и функциях *jako recitativum* в настоящее время остается открытым⁸.

Косвенная речь в историческом синтаксисе русского языка до сих пор почти не исследована – исключение составляют только статья Е. С. Отина и обзор Л. Е. Лопатиной о способах передачи чужой речи в составе монографии по историческому синтаксису сложного предложения в русском языке⁹. В лингвистической литературе сложилось мнение о позднем формировании этого способа передачи чужого высказывания. Между тем, по наблюдениям М. Н. Шевелевой, примеры с косвенной речью, построенной по модели изъяснительного предложения с союзом **оже**, широко представлены уже в древнерусских летопи-

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1912. С. 1654; Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950. С. 310–311.

⁶ Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М. 1986. С. 426; Преображенская М. Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (сложноподчинённое предложение). М., 1991. С. 101.

⁷ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Пер. с фр. М., 1952. С. 407; Collins D. E. The Pragmatics of Indirect Speech in Old Church Slavonic and Other Early Slavic Writings // Studies in South Slavic and Balkan Linguistics. Amsterdam – Atlanta. 1996. P. 34, 67.

⁸ Daiber T. Direkte Rede im Russisch-Kirchenslavischen (Zum pragmatischen Wert des *jako recitativum*) // Text – Sprache – Grammatik. Festschrift für Eckhard Weiher, ed. J. Besters-Dilger, A. Rabus, München, Berlin 2009, S. 379, 384; Perelmutter R. Pragmatic functions of reported speech with *jako* in the Old Russian Primary Chronicle // Journal of Historical Pragmatics 10:1. 2009. P. 108–131.

⁹ Отин Е. С. К истории развития косвенной речи в древнерусском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1969. № 5. С. 55; Лопатина Л. Е. Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979. С. 439.

сях XII–XIII вв.¹⁰ Таким образом, вопрос о процессе формирования косвенной речи в русском языке еще требует обстоятельного исследования.

В литературе обращалось внимание на особые синтаксические механизмы ввода чужой речи в древнерусских деловых и бытовых текстах, широко отражающих элементы разговорного синтаксиса. А. А. Гиппиус показал, что в древнерусских бытовых грамотах переходы к прямой речи или смена адресатов довольно часто не обозначаются¹¹. По наблюдениям Е. С. Отина, Д. Коллинза, М. Лазар и др. исследователей, в некнижном древнерусском языке действуют особые механизмы включения чужой речи – при помощи специализированных частиц, образованных в результате грамматикализации застывших форм глаголов речи. Ранее всего в широкое употребление входит частица *де*, широко засвидетельствованная в деловых грамотах с XV в., позднее появляются другие частицы – *су*, *ска*, *каже*, *ка* и пр.¹² Сходные явления известны и в летописном узусе – они еще нуждаются во всестороннем исследовании.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена фрагментарностью имеющихся данных о формировании и развитии способов цитирования в истории русского языка, а также отсутствием системных диахронических описаний синтаксических конструкций, используемых для передачи чужой речи.

Целью диссертационного исследования является комплексное синтаксическое описание способов передачи чужой речи с разграничением книжных конструкций и оборотов живого языка, выявление диалектных особенностей, а также диахроническое исследование изменений в их структуре, семантике и сфере употребления в рамках двух хронологических срезов, значимых для истории русского языка, – древнерусского периода (XII–XIV вв.) и старовеликорусского периода (XV–XVI вв.).

¹⁰ Шевелева М. Н. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 145.

¹¹ Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте. М., 2004. С. 190.

¹² Отин Е. С. Модальные частицы чужой речи в древнерусском языке // Избранные работы. Донецк, 1997. С. 27; Collins D. E. Reanimated Voices: Speech Reporting in a Historical-Pragmatic Perspective. Amsterdam. 2001. P. 263; Лазар М. Эвиденциальная частица *де(и)* и другие эвиденциальные частицы в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 117.

Поставленные цели предполагают решение следующих **задач**:

- определить основные синтаксические типы конструкций, содержащих передачу чужой речи, и описать их значимые грамматические признаки;
- описать контексты с чужой речью, имеющие признаки модальной семантики, используя методы семантического анализа;
- описать основные тенденции в употреблении синтаксических конструкций чужой речи на каждом из хронологических этапов, применяя количественные методы;
- установить механизмы формирования и перестройки конструкций с чужой речью в древнерусский и средневеликорусский периоды, используя метод сопоставительного анализа.

Объектом исследования являются основные синтаксические разновидности чужой речи – прямая речь, косвенная речь, «промежуточные способы», сочетающие в себе элементы прямой и косвенной речи. **Предметом исследования** являются синтаксические конструкции, которые используются при разных способах передачи чужого высказывания в летописном тексте, – сложно-подчиненные и бессоюзные предложения, а также лексико-синтаксические средства указания на передачу чужой речи в повествовании.

Как синоним термина «чужая речь» в диссертации используется термин «цитирование». Синтаксическая конструкция, содержащая чужую речь, называется «цитативной конструкцией», а сам контекст с чужой речью – «цитацией»¹³.

Материалом для исследования послужили летописи XII – первой половины XVI вв. различной территориальной локализации, что позволяет наиболее полно описать грамматические особенности способов цитирования, а также определить диалектные черты и различия между региональными летописными традициями.

¹³ Таким же образом термины используются в работе *Подлеская В. И.* Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса.* М., 2009. С. 289.

1. Южнодревнерусские летописи XII–XIII вв.

Повесть временных лет (далее ПВЛ) 10-х гг. XII в. привлекается как древнейший киевский источник, отразивший начальное летописание XI в.¹⁴ Для целей данного исследования значимым текстологическим «швом» являются статьи 1090–1091-х гг., разделяющие Начальную летопись, более архаичную по синтаксическим особенностям, и последующие погодные записи конца XI – начала XII вв., отличающиеся бóльшим разнообразием синтаксических конструкций¹⁵. В данной работе текст ПВЛ исследован по Ипатьевскому списку с учетом разночтений по спискам Лаврентьевской группы, изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 1–285.

Киевская летопись (далее КЛ) за 1118–1200 гг. является основным летописным источником XII в. южнорусского происхождения, она содержит киевские погодные записи, черниговские известия (1120–40-х гг.), описание событий Переяславля Южного (1170–80 гг.), а также известия владимиросудальского происхождения. КЛ исследована по Ипатьевскому списку с учетом разночтений по Хлебниковскому и Погодинскому спискам, изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 285–715.

Галицко-Волынская летопись XIII в. (далее ГВЛ)

Заключительная часть Ипатьевского списка содержит так называемую Галицко-Волынскую летопись, которая разделяется на Галицкую часть, описывающую жизнь Даниила Галицкого, и Волынскую часть – повествование о событиях Владимиро-Волынского княжества. Текстологические и лингвистические исследования показывают, что указанные части значительно различаются по языковым особенностям, границей между ними являются статьи 1260–1261 гг.¹⁶

Галицкая летопись (далее ГЛ) 1201–1260 гг. отличается от прочих древнерусских летописей наличием большого количества книжных черт.

Волынская летопись (далее ВЛ) 1261–1292 гг. интересна тем, что в ней

¹⁴ Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т.1. Вводная часть. Текст. Примечания. С. XVI; Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 37

¹⁵ Гиппиус А. А. "Рекоша дружина Игоревы...": К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian linguistics. 2001. Т. 25. С. 179.

¹⁶ Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб.1. XI–XVI вв. М.: ИМЛИ РАН, 1989. С. 248; Юрьева И. С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение 2012–2013 гг. М., 2013. С. 144, 146.

широко представлены обороты живой речи.

ГВЛ исследована по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–938. Границу между ГЛ и ВЛ см. на странице 848.

2. Новгородское летописание XII–XIV вв.

Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку XIII–XIV вв. (далее НПЛ ст.) содержит повествование за 1016–1352 гг. Указанный источник интересен тем, что широко отражает черты некнижного синтаксиса и диалектные особенности¹⁷. В палеографическом отношении НПЛ ст. делится на две части, первая из которых (до 1234 г.) хорошо сохраняет архаичные особенности своего протографа – «официального экземпляра» Новгородской владычной летописи, возникшей около 1115 г. и пополнявшейся новыми известиями. По лингвистическим признакам НПЛ ст. может быть разделена на отрезки, соответствующие смене новгородских архиепископов и их летописцев¹⁸.

3. Летописание Северо-Восточной Руси XII – начала XIV вв.

Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (далее СЛ) 1111–1305 гг. В части за XII в. СЛ включает южнорусские известия, восходящие к летописцу Переяславля Южного и совпадающие с КЛ. В части за XIII в. СЛ отражает слияние владимирского летописания с ростовским. СЛ исследована по изд.: Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 285–540.

4. Летописание второй половины XIV–XVI вв.

Чтобы проследить преемственность в способах цитирования между позднедревнерусским и старовеликорусским периодами, в качестве позднего источника исследована заключительная часть *Никоновской летописи* с 1362 по 1558 гг. (далее НЛ) – она представляет собой официальный свод Московской Руси, в составе которого представлено несколько летописных источников разной территориальной принадлежности, вставки из Хронографа, летописные повести, деловые грамоты. Разнообразный состав источников НЛ дает возможность исследовать эволюцию книжных и некнижных конструкций в способах передачи

¹⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 12.

¹⁸ Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М., 2006. С. 215.

чужой речи. НЛ за 1362–1558 гг. исследована по изд.: Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. XI–XIII. М., 2000. Для выявления тенденций в рамках старовеликорусского периода для каждого тома приводится своя статистика – соответственно, по периодам 1362–1424 (XI том), 1425–1505 (XII том), 1506–1558 гг. (XIII том).

Обращение к летописным источникам обусловлено тем, что исторические нарративные тексты открывают широкие возможности для диахронического исследования цитативных конструкций: летописи содержат большое количество контекстов с чужой речью действующих лиц и допускают широкий спектр языковых средств разной степени книжности – от специфически книжных конструкций до элементов разговорного синтаксиса, в зависимости от коммуникативного задания повествователя¹⁹. Погодное изложение событий позволяет последовательно проследить исторические тенденции в использовании способов передачи чужой речи.

Теоретическая база диссертации. Диссертация выполнена с опорой на классические описания исторического синтаксиса русского языка А. А. Шахматова, Л. А. Булаховского, А. А. Потебни, Е.Ф. Карского и др. Теоретической базой исследования послужили работы А.А. Зализняка по проблемам древнерусского синтаксиса, работы А.А. Гиппиуса по коммуникативной неоднородности древнерусских не книжных текстов и текстологии древнерусского летописания, работы В.М. Живова о гибридных свойствах языка летописного узуса. При анализе семантических особенностей способов цитирования использованы достижения в области семантики нарратива Е. В. Падучевой и А. Вежбицкой, а также исследования чужой речи в работах Анны А. Зализняк, Н. А. Козинцевой, А. Н. Баранова, В. А. Плунгяна. Ключевое положение исследования о влиянии семантических свойств глагола речи на структуру зависимого предложения основано на теории Ю. Д. Апресяна о модели управления и исследованиях проблемной группы «Логический анализ языка» под руководством Н. Д. Арутюновой. При классификации глаголов речи широко используется понятийный аппарат теории речевых актов по работам Дж. Остина и Дж. Серля. Для выявле-

¹⁹ О гибридных особенностях языка летописного узуса см. *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. М., 2004. С. 44–77.

ния особенностей разговорного синтаксиса широко привлекались монографии по проблемам разговорной речи под редакцией Е. А. Земской, а также работы В. И. Подлесской.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые синтаксические особенности способов передачи чужой речи детально описаны на широком материале летописного узуса XII–XVI вв. Способы цитирования исследованы с позиций системных отношений в синтаксисе, выявлены их грамматически значимые признаки, изменения которых приводили к структурной перестройке сложноподчиненных предложений косвенной речи. Употребления цитативных конструкций описаны с привлечением количественных данных для древнерусского и старовеликорусского периодов. Большое внимание уделено периоду XIV–XVI вв.: поэтапное рассмотрение позднего материала позволило выявить динамику изменений в способах цитирования при переходе синтаксической системы от позднерусского состояния к старовеликорусскому.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем комплексно описаны все типы цитативных конструкций, установлены основные этапы и механизмы формирования косвенной речи в древнерусском языке и в более поздний период. Предложено объяснение по спорному вопросу о семантике и функциях союза *яко* при прямой речи, выявлены пути развития у конструкции *яко recitativum* модальных значений. Показано, что способы цитирования являются одним из параметров различий между региональными традициями летописания.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в том, что его результаты и материалы могут быть использованы в практике преподавания исторической грамматики русского языка и истории русского литературного языка. Наблюдения и выводы диссертации позволяют уточнить словарные статьи, посвященные глаголам речи, союзам и частицам. Данные о региональных различиях в способах передачи чужой речи могут быть использованы в текстологии и лингвистическом источниковедении.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Древнерусские летописи неоднородны в отношении грамматического противопоставления прямой и косвенной речи, можно говорить о наличии в древнерусский период нескольких систем: а) система «без косвенной речи» –

используются прямая и союзная прямая речь с **яко**; б) система с тремя цитативными конструкциями – прямой речью, союзной прямой речью, косвенной речью; в) система с бинарным противопоставлением прямой и косвенной речи.

2. Косвенная речь складывается в древнерусском языке в результате конкуренции двух моделей изъяснительного предложения. Модель с союзами **оже** и **ажѣ**, требующими обязательного грамматического подчинения в придаточной части, к XII в. получает широкое распространение на южнорусской территории и постепенно вытесняет более архаичную модель с союзом **яко**, после которого грамматическая трансформация чужого высказывания была необязательной.

3. Опорный предикат в древнерусский период был грамматически значимым признаком способа цитирования. Между значением опорного слова и типом цитативной конструкции выявлена строгая корреляция: при прямой речи использовались глаголы со значением ‘произнести’, при конструкциях косвенного цитирования – иллокутивные глаголы, соответствующие модальности придаточного предложения. В XV–XVI вв. указанная корреляция утрачивается.

4. В древнерусский период инфинитивная конструкция со значением долженствования употреблялась только при предикатах коммуникативного обязательства с компонентом ‘обещать’ (тип **на томъ хрѣтъ чѣтъныи целоваста яко не разлүчити има ни въ добрѣ ни въ злѣ**), придаточное с сослагательным наклонением использовалось при опорных словах некатегоричного волеизъявления (тип **молиша абы помоглѣ**). В XV–XVI вв. между этими конструкциями наблюдаются колебания в связи с появлением нового типа опорных предикатов – глаголов распоряжения, которые содержат в структуре значения компоненты волеизъявления и обязательности. Колебания в выборе цитативной конструкции с инфинитивом или сослагательным наклонением приводят к перестройке придаточной части модально-осложненных разновидностей косвенной речи.

5. Современная модель косвенной речи с союзом *что (чтобы)* формируется в XV–XVI вв. в результате формального и семантического сближения трех цитативных конструкций – изъяснительного придаточного, инфинитивной конструкции и оптативной конструкции с сослагательным наклонением.

6. Грамматическое противопоставление прямой и косвенной речи за счет

разных типов опорных предикатов (речи ‘произнести’ vs **сѣказати** ‘сообщить’) утрачивается в XV в., что впоследствии приведет к формированию супплетивной видовой пары *говорить – сказать*.

7. Формированию «промежуточных» цитативных конструкций с признаками прямой и косвенной речи способствовала новая тенденция, отмеченная с XVI вв.: в структуре придаточного предложения широко допускаются элементы разговорного синтаксиса, в котором правила грамматического подчинения действуют менее строго.

Апробация работы проходила в форме научных докладов и тезисов на международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2009», «Ломоносов–2010», «Ломоносов–2011», «Ломоносов–2012» «Ломоносов–2013» (Москва, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013). По теме диссертации опубликовано 8 работ, в том числе 3 – в журналах, входящих в список изданий, рекомендуемых ВАК. Диссертация обсуждена на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (ноябрь 2014 г.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются тема и проблематика работы, сформулированы цели и задачи исследования, дается краткая характеристика летописных источников, резюмированы результаты предшествующих исследований по истории цитативных конструкций в русском языке.

В **первой главе** «Опорный предикат как средство противопоставления прямой и косвенной речи» описаны семантические и грамматические особенности опорных предикатов при прямой речи в древнерусских летописях и основные изменения в структуре этой конструкции от древнерусского периода к старовеликорусскому.

На протяжении всего исследованного периода при прямой речи употреблялись опорные предикаты трех типов:

- локутивные глаголы, не содержащие характеристики речевого намерения говорящего и служащие для нейтрального указания на отдельную реплику

(речи, глаголати, мълвити);

- реферативные глаголы речи, указывающие на передачу пропозиции чужого высказывания без других характеристик речевого акта, содержат компонент 'сообщить' (съказати 'рассказать, сообщить' повѣдати, приде вѣсть 'пришло известие, сообщение');

- иллокутивные глаголы, маркирующие речевой замысел говорящего, например прашати 'спрашивать', жаловати сѧ 'жаловаться'.

В древнерусский период при прямой речи решительно преобладали локутивные опорные предикаты. Наиболее частотным и нейтральным по семантике был локутивный глагол речи, значительно реже использовался мълвити, в более книжных контекстах употреблялся глаголати, ср.:

Князь же Святослав присла свои тысяцькыи на вѣче, рече «не могу быти съ Твердиславомъ и отъимаю от него посадницъство». Рекоша же новгородьци: «е ли вина его». Онъ же рече: «безъ вины» (НПЛ ст., 1218, 91–91 об.); Моужи же ему едини молваху: «кѣже не ѣзди по немъ ѿати перешель земли...» (КЛ, 1194, 138 об.); Всеи же зраце такового чюда глаголю: «кнаже правъ кси поѣди противу кму» (СЛ, 1177, 128 об.).

Сопоставление состава опорных слов при прямой и косвенной речи показало, что опорный предикат был грамматически значимым признаком, различающим цитативные конструкции. Локутивные глаголы преобладали при прямой речи, реферативные глаголы, напротив, преимущественно использовались при косвенной речи. Наиболее строго указанное противопоставление соблюдается для пары речи и съказати – у них выявлены синтаксические ограничения: глагол речи частотен при прямой речи и ни разу не встретился при косвенной речи, съказати отмечен исключительно при косвенной речи. При прямой речи съказати используется только в паре с локутивным глаголом – непосредственным опорным предикатом конструкции, ср.:

То же слышавъ Оулѣвъ прибѣже ко кнзю своему Изяславоу и сказа ему, вже его ѿстоупили кнзи Черниговьскыи и цѣловали на нь хрѣтъ (КЛ, 1147, 126 об.); Он же сказа ему и ре сѣночи (sic!) бѣлъ весель съ своею дружиною и шелъ спать здоровъ (КЛ, 1154, 170).

Для остальных глаголов речи, особенно для многозначных, указанное грамматическое противопоставление выдерживается на уровне тенденции. Глаголы, в структуре которых преобладают локутивные компоненты, преимущественно используются при прямой речи. При косвенной речи употребляются глаголы, указывающие на иллокутивное намерение и аналитическую переработку чужой речи.

Соответствие между значением опорного слова и типом зависимой конструкции последовательно выдерживается вплоть до второй половины XIII в. Первые отклонения от указанной тенденции отмечены в середине XIII в. в ГЛ и ВЛ, в которых появляются употребления локутивных глаголов **речи** и **мълвити** при косвенной речи, ср.: **тогда же Тевтилъ прибѣже к Данилоу и Жемонть и Гдтвазь река тако Мндовгъ оубѣди га серебромъ многимъ** (ГЛ, 1253, 275).

НЛ за вторую половину XIV– первую половину XVI вв. показывает, что современная система, в которой семантический тип опорного слова не является грамматически значимым признаком прямой речи, формируется в XV в. в результате нескольких процессов.

Во-первых, постепенно разрушается архаичная корреляция между значением опорного слова и семантикой зависимой конструкции. С XV в. глаголы **речи** и **сѣказати** появляются при косвенной речи, **сѣказати** в современном значении ‘сказать, произнести’ начинает использоваться при прямой речи – в древнерусский период указанные употребления были невозможны, ср. пример с глаголом **речи** при косвенной речи, построенной по модели с союзом *что*: *да не рекут люди, что царь приходилъ на Русскую землю, а Руси не учинилъ ничего* (НЛ, 1536–1541, 112).

Ср. **сѣказати** при прямой речи: *велѣлъ ихъ спросити: «что их соха?». И они сказали: «три обжы соха, а обжа одинъ челоуѣкъ на одной лошади ореть»* (НЛ, 1478, 184).

Во-вторых, в НЛ за XIV–XVI вв. наблюдается активное обновление состава опорных слов. С XV в. получает распространение глагол *говорити*, у которого не было ограничений на тип зависимой конструкции:

Послѣ же сихъ биша челомъ, а говорилъ посадникъ Лука Федоровъ: «господине господарь князь великii ...» (НЛ, 1476, 175); *и велѣлъ ему говорити*

царю, что посла его Михаила Кляпика у себя задержалъ и онъ бы отпустилъ и съ его товарищи (НЛ, 1507, 5).

Разрушению корреляции между значением опорного слова и типом цитации способствовал переход глаголов, описывающих деловую коммуникацию *бити чѣломъ*, *приказати* и др., в класс глаголов речи: с XV в. они широко используются в функции опорного предиката. Многозначность указанных слов и наличие у них нескольких валентностей допускает использование в зависимой части разнотипных цитативных конструкций, ср.:

и жытіи люди били челомъ сице: «Господине государь князь великии Иванъ Васильевичъ всея Руси...» (НЛ, 1478, 175); *они же биша челомъ, что отъ страху княже Юрьева Глиньского убійства поѣхали были молитися въ Ковець къ Пречистѣй и съѣхали въ сторону, не зная дороги* (НЛ, 1548, 155).

С появлением в XV в. многозначных глаголов речи их синтаксические свойства распространяются на глаголы говорения с более узкой семантикой. Конструкция прямой речи утрачивает маркирование в результате стирания синтаксических различий между локутивными, реферативными и иллокутивными предикатами.

Вторая глава «Союзная прямая речь в летописях XII–XVI вв.» посвящена исследованию цитативных конструкций двух структурных типов – архаичной конструкции *jako recitativum* (с союзом **так** при прямой речи) и конструкции позднего типа с прямой речью после союза *что*.

Статистический и синтаксический анализ контекстов с **так** при прямой речи, а также сопоставление её с другими способами цитирования показало, что в разных древнерусских летописях указанная конструкция употреблялась по-разному.

В ПВЛ и ГЛ рассматриваемая конструкция частотна – отмечено по 50–60 контекстов. По формальным признакам данная конструкция слабо противопоставлена другим типам цитаций – примеры с косвенной речью единичны, встречается большое количество нейтральных контекстов без выраженных отсылок прямой/косвенной речи, при цитативных контекстах используется только союз **так**, ср.:

внемъ же пришедшимъ повѣдающимъ Стополку яко створихомъ по-
веленое тобою (ПВЛ, 1015, 51 об.); и повѣдаша Влзѣ яко Деревлани придоша
(ПВЛ, 945, 22); и посласта Кондратови рекоуще яко тебе дѣла изнидоша на
наю Лѡхове (ГЛ, 1249, 269 об.).

Перечисленные признаки указывают на то, что в ПВЛ и ГЛ конструкция *jako recitativum* функционирует как архаичная «промежуточная структура» на пути к сложноподчиненному предложению косвенной речи. Союз **яко** при прямой речи выступает как показатель семантической иерархии – чужая речь заполняет валентность опорного слова, однако грамматическая трансформация чужого высказывания относительно главной части ещё необязательна.

В КЛ и СЛ **яко** при прямой речи используется значительно реже, чем в ПВЛ и ГЛ, – в каждом из указанных источников отмечено около 10 примеров. При союзной прямой речи используется **яко** и опорные предикаты локутивной семантики – те же, что при прямой речи. Конструкция *jako recitativum* формально противопоставлена косвенной речи, построенной по модели изъяснительного предложения с союзами **оже** и **аже** при иллокутивных и реферативных глаголах, ср.:

вн же не хоташе ити из Роускои земли река имъ яко не могю ити
изъ вчнѣ своеѣ (КЛ, 1178, 214); бы къмѣ вѣсть уже Разаньстии кнззи
свѣщалиса сѣ со Влговичи на нѣ (СЛ, 1207, 145 об.).

В НПЛ ст. в отношении формальных признаков *jako recitativum* занимает промежуточное положение. С одной стороны, в НПЛ ст. с точки зрения средств связи союзная прямая речь не противопоставлена другим нейтральным контекстам и единственному примеру косвенной речи, поскольку во всех указанных типах цитаций используется союз **яко**, как в ПВЛ. С другой стороны, контексты с **яко** при прямой речи отличаются от нейтральных цитативных контекстов по составу опорных предикатов, как в КЛ и СЛ. При прямой речи с **яко** в НПЛ ст. используются только локутивные глаголы: **И** **пришьдѣ**, **створи** **вѣче** **въ** **владычни** **дворѣ** **и** **рече**, **яко** «не мыслилъ есмь до пльсковичъ грѣба ничего-же» (НПЛ ст., 1228, 104).

Реферативные опорные предикаты встретились в НПЛ ст. только при

нейтральных цитациях с **яко**: **Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ** (НПЛ ст., 1239, 135 об.–136).

Семантический анализ контекстов с *jako recitativum* показал, что в КЛ, СЛ и НПЛ ст. указанная конструкция используется для выражения отношения говорящего к содержанию или источнику цитируемого сообщения. В контекстах с **яко** регулярно представлены следующие типы субъективно-модальных значений²⁰:

- дистанцирование, или расхождение позиций говорящего и цитируемого лица: **Токмо дьяволъ сѣтоваше вложи бо нѣкоторы^{мъ} муже^{мъ} кго в срѣце и начаша г^дти к^му рекуще **яко** Ростиславъ Гюргевичъ подмолви^а на тѣ люди и Берендичи и Кипангы** (КЛ, 1149, 106 об.);

- пересказывательность, или цитирование слухов²¹:

инни же мнози глаголаху **яко полупивъ святую Софию пошльъ Цесарюграду; и много глаголаху на нь, нѣ собе на грѣхъ** (НПЛ ст., 1156, 28 об.–29); **и молвахуть **яко** дна естъ подѣстѣпила инни же другоако молъваху** (КЛ, 1152, 166 об.), ‘говорили, что болезнь началась, некоторые же другое говорили’.

В КЛ и СЛ наблюдается расширение употреблений модального **яко** на область косвенной речи, которая в этих летописях широко представлена. При косвенной речи союз **яко** в КЛ и СЛ отмечен в контекстах со значением недоверности, ср.: **но Ярославъ Рюриковѣ рѣчи не имашеть вѣрты **яко** же свѣчатиса хотятъ на нь и того дѣла не поусташеть пословъ Рюриковъхъ сквозѣ свою волость** (КЛ, 1196, 239), ‘но Ярослав не поверил речи Рюрика, полагая, что они хотят заговор против него устроить, и поэтому не пустил рюриковых послов через свою волость’.

²⁰ Под субъективно-модальными значениями подразумеваются разные типы отношения повествователя к содержанию чужой речи: а) расхождение позиций повествователя и говорящего, или дистанцирование; б) пересказывательность – передача информации, полученной от третьих лиц, цитирование слухов; в) недоверность. Типы субъективной модальности при передаче чужой речи рассмотрены с опорой на работы: Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 448; Козинцева Н.А. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007. С. 85–103; Падучева Е.В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2011. Т. 70, № 3. С.14–15.

²¹ Гипотеза о развитии у **яко** уже в раннедревнерусский период широкого круга эвиденциальных значений, в том числе пересказывательности, предложена в работе: *Perelmutter R.* Указ. соч. С. 124.

В ВЛ второй половины XIII в. союз **яко** и конструкция *jako recitativum* при передаче оригинальных цитаций не используются.

Динамика и сфера употребления союзной прямой речи с **яко** в древнерусских летописях отразили разные этапы развития грамматического подчинения в цитативных конструкциях. С появлением модели косвенного цитирования употребления **яко** при прямой речи постепенно уходят на второй план, происходит идиоматизация конструкции и её семантики – она закрепляет модальные значения.

В НЛ за XIV–XVI вв. союзная прямая речь с **яко** широко представлена в книжных контекстах, но вне канонических цитат *jako recitativum* отмечена лишь в единичных случаях: *и приде вѣсть къ великому князю Дмитрею, яко "Митяй твои вскоре преставися на мори"* (НЛ, 1378, 40).

К XV в. **яко** при прямой речи перестает использоваться, однако его субъективно-модальные употребления распространились на область косвенной речи, в которой указанный союз используется при цитировании слухов и указании на недостоверность чужой речи, ср.:

сами бо глаголаху, яко было ихъ съ сорокъ тысячъ на бою томъ (НЛ, 1471, 135); *нѣци же оклеветаша его яко неправо и невѣрно служить царю* (НЛ, 1389, 98).

В НЛ за XIV–XVI вв. отмечено некоторое количество случаев союзной прямой речи позднего типа – она встречается в придаточной части после изъяснительного союза *что (бы)*:

и сказаше ей что брата нашего крестное цѣлованіе къ намъ сложили (НЛ, 1400, 183); *Да всѣ били челомъ о томъ, чтобы въ низовъскую землю къ берегу службы намъ, новгородцемъ, не было...*(НЛ, 1478, 181).

Прямая речь в позиции придаточной части косвенной речи – после союза *что (бы)* – встречается редко и представляет собой отклонение от правила грамматического подчинения, которое в области косвенной речи в НЛ за XIV–XVI вв. в целом соблюдается последовательно. Союзная прямая речь позднего типа возникает под влиянием механизмов разговорного синтаксиса, в котором нередко представлены нарушения грамматических замен в придаточной части.

Союз *что* при прямой речи до сих пор используется в языковых подсистемах, имеющих устное бытование, – в разговорной и диалектной речи.

В третьей главе «Конструкции косвенного цитирования в летописях XII–XVI вв.» исследованы цитативные конструкции, используемые для передачи содержания чужого высказывания по модели сложноподчиненного предложения, а также выявлены основные этапы формирования косвенной речи по данным летописных источников исследуемого периода.

Древнерусские летописи показали, что косвенная речь складывается к XII в. в результате распространения модели изъяснительного предложения с союзами **оже** и **аже** на новые типы опорных слов. Самое начало указанного процесса отразилось в ПВЛ – первые примеры придаточных предложений с союзом **оже** появляются при предикатах знания и восприятия: **се азъ слышу уже ма хочеть Дѣдъ давати Лахомъ** (ПВЛ, 1097, 91).

Летописи XII–XIII вв. отразили ситуацию, в которой модель с **оже** распространилась на глаголы речи смежной с предикатами восприятия-знания семантики – на реферативные опорные предикаты, близкие по внутренней форме (**вѣдати, оувѣдати → повѣдати**) и семантике (указание на фактивную пропозицию ‘узнать, что’ → ‘сообщить, что’), а также на иллокутивные глаголы речи. В СЛ косвенная речь с **оже** отмечена при предикатах **повѣдати** и устойчивых сочетаниях со словом **вѣсть**. В КЛ модель с **оже** и **аже** используется не только при реферативных опорных предикатах, но и при иллокутивных глаголах, указывающих на отрицательную эмоциональную реакцию и оценку, – **винити, жаловати сѧ** и др. В ВЛ второй половины XIII в. косвенная речь с **оже** впервые появляется при локутивных опорных предикатах, ср.:

Бѣ во кмѹ вѣсть тогда уже иде̑ кмѹ в помочь сватъ Володимерко (СЛ, 1152, 111); и **пожалиша си велми Ростиславичи уже ихъ лишаетъ Р҃сѹскон земли** (КЛ, 1174, 202); **Хитрѣчи же смотрѣвше тако рекоша уже матежь великъ боудеть в земли, но Бѣ спѣ̑ своею волею, и не бы̑ ничто же** (ВЛ, 1265, 287 об.).

Специфической чертой косвенной речи с союзами **оже** (**аже**) было строгое соблюдение корреляции между значением опорного предиката и типом цита-

тивной конструкции, а также грамматического подчинения: опорные предикаты всегда указывают на аналитическую переработку чужой речи или её иллокутивную цель, придаточная часть короткая, состоит из 1–2 клауз, анафорические местоимения и глагольные формы 3 л. в придаточной части употребляются регулярно, нарушений отсылок почти не встретилось. ПВЛ, НПЛ ст. и ГЛ, в которых основным изъяснительным союзом является **такъ**, в отличие от КЛ, СЛ и ВЛ, не отражают сложившуюся модель косвенной речи с регулярным грамматическим подчинением.

Для передачи модальных компонентов чужого высказывания в древнерусский период регулярно использовались модально-осложненные конструкции с инфинитивом и сослагательным наклонением в придаточной части. Для цитирования коммуникативного обязательства говорящего использовалась придаточная инфинитивная конструкция со значением долженствования при предикатах с компонентом ‘обещать, подтвердить’, ср.: **и на томъ хрѣтъ чѣтъныи целоваста такъ не разлучити има ни въ добрѣ ни въ злѣ но по ѡдному мѣсту бъти** (КЛ, 1150, 152), ‘И на том честный крест целовали, что они не разлучатся ни в добре ни в зле и будут вместе’.

Волеизъявление передавалось при помощи придаточной конструкции с сослагательным наклонением (**молиша абы помоглъ**). Сфера её употребления была уже, чем в современном русском языке: она использовалась только при глаголах просьбы (**просити, молити** и пр.), соответствующих семантике придаточной части с сослагательным наклонением в оптативном значении, и не охватывала категоричного волеизъявления (**требовать, чтобы; приказать, чтобы**) – приказы и повеления передавались с помощью составного глагольного сказуемого модальный глагол + инфинитив в рамках простого предложения (**а полко^м повелѣ по собѣ ити**). В древнерусский период инфинитивная конструкция и придаточное предложение с сослагательным наклонением были четко противопоставлены формально – за счет разных союзных средств и разных типов опорных слов, и семантически – обязательность vs необязательность действия для исполнения.

НЛ за XIV–XVI вв. показывает, что модель косвенной речи с союзом *что* появляется в XV в. – указанный союз распространяется на все типы изъясни-

тельных предложений, передающих чужую речь. Наблюдается формальное и семантическое сближение инфинитивной и оптативной конструкций по модели косвенной речи с союзом *что*, в опорной предикации появляются глаголы, передающие распоряжение, при которых возможны обе конструкции, в зависимости от его категоричности, ср.:

а приказалъ князь великїи Иванъ къ Петру воеводѣ, что его жаловати хочет по тому же, какъ его жаловалъ отецъ (НЛ, 1534, 84); *А приказалъ царь и великїй князь, чтобы были заединъ со царемъ и великимъ княземъ на всѣхъ его недруговъ* (НЛ, 1555, 246); *И Исламъ приказалъ з Даниломъ, что одноконечно крымъскимъ людемъ ратїю на великаго князя украины не быти* (НЛ, 1535, 96).

Формальная унификация придаточных конструкций за счет союза *что*, а также разрушение корреляции между значением опорного слова и семантикой зависимой конструкции приводят к перестройке и структурному разнообразию косвенной речи, а также резкому возрастанию её частотности. Появляется развернутая конструкция косвенной речи с большим количеством разнотипных придаточных клауз, положение глагола речи становится более свободным – он широко встречается в интерпозиции, ср.:

и после того лѣта прислалъ къ великому князю Ивану Васильевичю бити челомъ князь Семень Ивановичь Бѣлскои о томъ, чтобы его князь великїи пожаловалъ, взялъ въ службу и съ вотчиною, а сказываетъ, что на нихъ пришла великаа нужда о Греческомъ законѣ: посылалъ де князь великїи Александръ къ своеи великои княгинѣ о томъ отъметника православнои вѣры (НЛ, 1500, 251).

Важной инновацией в структуре косвенной речи стало факультативное употребление изъяснительного союза. Если в древнерусских летописях союз был обязательным элементом конструкции, то в НЛ за XV в. его эллипсис становится частотным:

Того же мѣсяца пришли назадъ Гриша Велинъ да Истома Матюков, а сказываютъ: до Исмаиля ихъ не допустили Исуюовы дѣти (НЛ, 1556, 269); *и цѣлова крестъ князь Юрьи Святославовичь ко всему Новугороду и въ животъ*

и въ смерть: которіи врази поидутъ на Новъгородъ ратью, боронитися отъ нихъ князю Юрью съ Новгородцы (НЛ, 1404, 190).

Пропуск изъяснительного союза, одного из формальных признаков косвенной речи, является ещё одним шагом на пути унификации конструкции прямой и косвенной речи, наряду с утратой противопоставления за счет семантических типов опорных слов.

С XVI вв. отмечается активное проникновение в структуру косвенной речи элементов разговорного синтаксиса: в придаточной части увеличивается количество грамматически не обозначенных переходов к прямой речи, а также экспрессивно-диалогических элементов, ср.:

И тутъ прислали къ государю бояре и воеводы его князь Иванъ деодоровичъ Мстиславскои съ товарищи, что они пришли вверхъ тое же рѣки Сары, даль Богъ, здорово, и государь имъ какъ велѣлъ къ собѣ приити? (НЛ, 1552, 199); и царь отъмолвилъ, что ему никакъ бусурманского юрта не порушить, а прожити мнѣ въ Казани не мочно (НЛ, 1552, 174).

Широкое проникновение элементов разговорного синтаксиса в структуру косвенной речи, в том числе эллипсис изъяснительного союза, приводит к появлению в современном русском языке большого количества переходных конструкций с признаками прямой и косвенной речи²². Современная литературная норма требует полного грамматического подчинения придаточной части относительно главной, цитативные конструкции «промежуточной структуры» закрепились как особые средства художественной выразительности.

В четвертой главе «Дискурсивные маркеры чужой речи в летописях XII–XVI вв.» рассмотрена история вводных слов и частиц, указывающих на передачу чужой речи, на протяжении исследуемого периода.

В древнерусских летописях в роли дискурсивного маркера встречается только форма **рече**, причем интерпозиция локутивного глагола допускалась только внутри прямой речи, ср.:

и всѣхъ красотѣ възложи^ѣ на единѣ и та бѣдетъ ему жена здѣ же ре^ѣ достонѣ блѣдѣ творити всакыи (ПВЛ, 986, 33 об.); а сына своего Ростисла-

²² *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 431.

ва остави Новѣгородѣ «А мнѣ, рече, даи богъ исправити правда новгородская» (НПЛ ст., 1229, 109 об.).

В ПВЛ в функции вводного глагола зафиксирован архаичный глагол речи дѣ(а)ти: да аще кто дѣет^б в нашу вѣрѹ стѹпи^т то паки оумѣрѹ [вѣ]станеть (ПВЛ–Л, 987, 36 об.), ‘...да если кто, говорит, в нашу веру вступит, то после смерти воскреснет’.

В функции опорного слова при прямой речи дѣ(а)ти уже не употреблялся даже в ранних летописях, в КЛ отмечен наиболее ранний пример превращения его в цитативный показатель²³: ре^ч бо дѣи Игорь помануохъ азъ грѣхы сво прѣ^а Г^сдмъ Б^мъ моимъ (КЛ, 1185, 224 об.).

К концу XIII в. отмечена тенденция к расширению интерпозитивных употреблений глагола речи: различные формы этого глагола не только используются как дополнительные цитативные маркеры, но и развивают особые дискурсивные функции. Форма рѹци внутри прямой речи отмечена в ВЛ под 1281 г. и в статьях 1287–1289 гг. в функции показателя коммуникативной неоднородности посольских речей. Императив рѹци указывает на обращение к посыльному, тогда как прямая речь обращена к непосредственному адресату, ср.: Володимиръ же сжаливси и расплакавсѹ ре^ч послоу бра^т своего брате Бѣ рѹци боуди ѿмѣстникъ твои соромотѣ а се га готовъ товѣ на помочь (ВЛ, 1281, 293 об.).

На том же участке ВЛ внутри прямой речи использована форма 1 л. ед. ч. реку для эмфатического выделения отказа: ... не да^а не реку (в Хлеб. сп. рек) города. но ни села не возмешь оу мене. розоумѣю га твою хытрость. не дамь (ВЛ, 1288, 302), ‘...не дам, говорю, ни города, ни села...’.

В НЛ за XIV–XVI вв. выявлено несколько новых тенденций в употреблении дискурсивных маркеров чужой речи.

Вводные глаголы речи начинают активно использоваться в косвенной речи – ср. употребления сказати в интерпозиции: И на единомысленниковъ своихъ сказалъ дву Борисовыхъ, Григорія и Ивана; и с иными, сказалъ, совѣтоваль о злѣ; а злое ученіе, сказалъ, принялъ отъ Литвы (НЛ, 1553, 232–233).

²³ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008. С. 43.

Одной из тенденций, связанных с широким проникновением конструкций разговорного синтаксиса в область цитирования, является распространение универсального цитативного показателя *де* (*деи*), который не привязан к типу цитативной конструкции:

и царь говорилъ: прожить мнѣ деи въ Казани не мощно, загрубилъ есми Казанцомъ добръ (НЛ, 1552, 173); *да почали бити челомъ, чтобы ся не кручили: възмутили деи землю лихіе люди, подождите деи, доколъ ся уговорятъ* (НЛ, 1552, 176).

С XV в. дискурсивные маркеры чужой речи развивают новые функции. Помимо цитативного показателя *де* (*деи*), появляются частицы *будто* и *рекши*, которые маркируют субъективно-модальные значения в рамках косвенной речи с союзом *что* в тех же типах контекстов, в которых ещё в XV в. употреблялся союз *яко*:

а великому князю и его матери вадиша на князя Андрѣа, что будто хочетъ князь Андрѣи бѣжати (НЛ, 1537, 117); *и вы того у насъ запрѣлися, и къ намъ пословъ своихъ о томъ, сказали есте, не посылавали, а возложили есте на насъ на великихъ князей то, что рекшы мы надъ вами, над своею отчиною, силу чинимъ* (НЛ, 1478, 177).

Расширение употреблений вводных слов, цитативного показателя *де* и модальных частиц является одним из важных этапов в процессе стирания грамматических различий между прямой и косвенной речью под влиянием синтаксиса разговорной речи, в которой способы цитирования, как правило, грамматически слабо противопоставлены. Разнообразные цитативные частицы, возникшие из застывших и фонетически редуцированных форм глаголов говорения, впоследствии получили широкое распространение в диалектной речи как один из самых частотных способов цитирования, ср. *грит*, *ка*, *су*, *ска*, *скать*. Частицы *де*, *мол* и *дескать* закрепились и в современной литературной норме как особые субъективно-модальные показатели.

В заключении подводятся основные итоги проведенного исследования.

Исследование показало следующие направления в развитии цитативных конструкций в языке летописания на протяжении исследуемого периода:

- прямая речь постепенно утрачивала маркированность по типу опорного предиката за счет расширения состава опорных слов;

- архаичная конструкция союзной прямой речи с **так** в позднерусский и старовеликорусский период постепенно выходит из употребления с развитием обязательного грамматического подчинения в придаточной части, модальные значения союза **так** распространяются на область косвенной речи;

- косвенная речь в древнерусский период развивалась по пути полного грамматического подчинения придаточной части, складывалось грамматическое противопоставление прямой и косвенной речи; в старовеликорусский период происходит стирание различий между косвенной речью, инфинитивными и оптативными придаточными в результате грамматической унификации моделей цитирования, а также широкого проникновения элементов разговорного синтаксиса, в котором правила грамматического подчинения действуют менее строго.

Указанные процессы приводят к формированию в конце исследуемого периода унифицированной модели косвенной речи с союзом *что (чтобы)*, а также большому разнообразию «промежуточных» цитативных конструкций, до сих пор сохранившихся в современном русском языке.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Власова Е.А. Состав и распределение опорных предикатов при чужой речи в русской летописной традиции XI–XVI вв. // «Русский язык в научном освещении». 2013. № 1 (25). С. 194–222. — 1,4 п. л.

2. Власова Е.А. Инфинитив и сослагательное наклонение в косвенной речи в русских летописях XI–XVI вв. // «Русский язык в научном освещении». 2014. № 1 (27). С. 185–205. — 1 п. л.

3. Власова Е.А. *Jako recitativum* в древнерусских летописях XI–XIII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 2. С. 102–112. — 0,5 п. л.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. Власова Е.А. Способы введения чужой речи в Киевской летописи XII в. и Никоновской летописи за XV–XVI вв. // Материалы XVI международной науч-

ной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». 13-17 апреля 2009 г. – М.: МАКС Пресс, 2009. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/filologia.htm — 0,2 п. л.

5. *Власова Е.А.* Особенности структуры предложения косвенной речи в Киевской, Суздальской и Никоновской летописях // Материалы XVII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». 12-15 апреля 2010 г. М.: – МАКС Пресс, 2010. С. 172–174. — 0,2 п. л.

6. *Власова Е.А.* Употребление союзов оже, аже, яко и како в косвенной речи (на материале древнерусских летописей XII–XIII вв.) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011». – М.: МАКС Пресс, 2011. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – 0,2 п. л.

7. *Власова Е.А.* Инфинитивная конструкция как средство передачи косвенной речи в ранних древнерусских летописях // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012». – М.: МАКС Пресс, 2012. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – 0,2 п. л.

8. *Власова Е.А.* Придаточные инфинитивные конструкции как средство обозначения предстоящей ситуации в прошлом // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013». – М.: МАКС Пресс, 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – 0,2 п. л.